Изъ воспоминаній о Нижне-ломовскомъ духовномъ училищѣ 1840—1850 гг.

Наше Ломовское училище покончило свое существованіе; но объ немъ слѣдуетъ вспомнить, чтобы видѣли дѣти, какъ мы жили и учились. Не знаю, въ какомъ состояніи Ломовское училище было предъ перенесеніемъ его въ Пензу; но въ мое время—это была жалкая школа. Внутри она походила на плохую казарму; стѣны не были оштукатурены, а выбѣлены мѣломъ; полы черные, покрытые на вершокъ грязью, изъѣденные по мѣстамъ крысами. Потолки были когда-то оклеены бумагою; но вся она изорвалась, почернѣла. Рамы никогда не были исправлены, какъ слѣдуетъ, а потому въ классахъ вѣтеръ свободно гулялъ изъ угла въ уголъ. Зимою классы не отапливались. Чтобы согрѣться, ученики, во время смѣнъ, бѣгали, толкали другъ друга и дрались. Впрочемъ и нельзя было нагрѣть эти казармы. Двери почти всѣ были створчатыя, до полу не доходили, и холодный вѣтеръ дулъ подъ ноги. Чтобъ защитить себя отъ холода, ученики одѣвались въ тулупы, полушубки, обувались въ валеные сапоги, а бѣдняки въ лапти; лѣтомъ же бѣдные ученики ходили босикомъ.

---

*) См. Истор. С.-Петерб. дух. академіи, Чистовича, стр. 248—249, I я ч. соч. Иннокентія, VIII—IX.

Нечего говорить, что и квартиры наши не отличались удобствомъ и чистотою. Ученики стояли скученно по 5—10 человѣкъ вмѣстѣ съ хозяевами. Были даже квартиры, какъ напр. Баранова, гдѣ помѣщалось до 20-ти учениковъ. Особыхъ кроватей не полагалось, а спали на нарахъ, по 5-ти человѣкъ вмѣстѣ; бани были рѣдкостію. Не говоря о другихъ болѣзняхъ, парши, чесотка преслѣдовали почти всѣхъ мальчиковъ. Помню, какъ мы пріѣзжали домой всѣ зараженные паршею, и насъ тотчасъ же вели въ баню, гдѣ мазали порохомъ;—это считалось самымъ радикальнымъ средствомъ противъ паршей. Для больныхъ не отводилось отдѣльной комнаты и не давалось особой койки; они лежали на тѣхъ же нарахъ, до тѣхъ поръ, пока Богъ подпималъ. На лѣкаря тогда не разсчитывали. Въ случаѣ продолжительной болѣзни мальчика отпускали домой, и это было самое лучшее, что могло придумать начальство. Домой во время отпусковъ, мы, большею частію, ходили пѣшкомъ, по 10—15 человѣкъ. Радости нашей при этомъ не было конца; иногда всю дорогу пѣли канты и пѣсни. Насколько берегли свое здоровье, можно заключить изъ того, что, напр., къ Пасхѣ, когда по дорогамъ лежалъ еще ледъ, мы шли босякомъ; и это не потому, что не было сапогъ, а жаль было ихъ. Не смотря на неблагопріятныя условія, жизнь и ученье мальчиковъ шли своимъ чередомъ. Много было больныхъ, много отсталыхъ; за то которые выносили тяжелый училищный искусъ, становились адамантами, способными на всякій трудъ. Перехожу къ самому ученію. Долбежка была, конечно, во всей силѣ; со стороны учителей вмѣсто объясненій задаваемыхъ уроковъ мы слышали только лаконическое: „отселѣ—доселѣ“ почти по всѣмъ предметамъ; неизбѣжные нотаты, нотатчики, sciens, nesciens царили во всѣхъ классахъ. Учитель по входѣ въ классъ

обыкновенно бралъ нотату и чинилъ расправу за nesciens; затѣмъ спрашивалъ урокъ и назначалъ къ слѣдующему классу: „отселѣ—доселѣ“. Такъ шло каждый день. Экзекуціи (такъ называлось сѣченіе розгами) чинились по всѣмъ правиламъ искусства. Каждый учитель назначалъ „дневальныхъ“, которые обязаны были подметать полъ до прихода учителя и приготовлять розгу. За розгой ходили на большую дорогу, и нѣкоторые изъ учителей требовали, чтобъ розги постоянно были свѣжія, сырыя; хорошею считалась такая розга, которая сжималась въ текѣ (сумкѣ) ученика на подобіе цифры 8. Должность экзекуторовъ справляли, большею частію, ученики, оставленные на повторительный курсъ; это была ихъ привиллегія, которой они дорожили. Разумѣется, должностью своею они часто злоупотребляли: удовлетворявшихъ ихъ калачемъ, они сѣкли слабѣе, не дававшихъ имъ ничего, они сѣкли рѣзче. Нѣкоторыхъ изъ этихъ экзекуторовъ—К., Г., Св. и проч. мы помнимъ до сихъ поръ. Они сидѣли по 6-ти лѣтъ въ одномъ классѣ, и все-таки ничего не знали и ихъ увольняли. Были у насъ учители, доходившіе въ сѣченіи учениковъ до крайней жестокости. Кто не помнитъ напр. учителя Металлова?—Это былъ тотъ же Роговъ, что у Помяловскаго. Бывало—закричатъ: „окны закрыть, двери затворить, пару лозъ!“ бѣднаго мальчика сѣкли въ двѣ лозы, при чемъ предварительно двое изъ экзекуторовъ садились ему на голову и на ноги. Ученики, разумѣется, ненавидѣли Металлова и однажды вырѣзали на учительскомъ столѣ: „Металловъ живолупъ“. Изъ другихъ учителей сѣкли сильно—учитель Мичкасскій и самъ смотритель Покровскій, хотя послѣдній употреблялъ розгу рѣдко. Учениковъ въ классахъ было много во всѣхъ классахъ, особенно въ 3-мъ, гдѣ въ мое время числилось около 150 человѣкъ. Они сидѣли въ небольшой, сравнительно,

комнатѣ за длинными столами, разставленными по обѣ стороны; но для нѣкоторыхъ мальчиковъ мѣстъ не доставало. Въ одной сторонѣ была отдѣльная не большая комната, въ родѣ будки, куда во время класса собирались ученики, остававшіеся безъ мѣстъ и болѣе бойкія; тамъ играли въ карты, козны, шашки. Учителя мало обращали вниманіе на эту будку, а потому она всегда была полна. Въ случаѣ спроса ученика, за него отвѣчали товарищи, „что сейчасъ-де вышелъ на дворъ", а сей, при удобномъ случаѣ, выходилъ изъ будки и предъявлялся учителю. Выходы на дворъ практиковались въ обширныхъ размѣрахъ; ходили всѣ, кому хотѣлось идти; да и нельзя было не выйдти, потому что классы продолжались два часа подрядъ. Вышедшій на дворъ, обыкновенно, отправлялся въ ретираду. Это былъ не огороженный почти, не покрытый ничѣмъ, сарай между двухъ конюшенъ; но почему-то на немъ были стропилы, перекладины. Нѣкоторые изъ учениковъ возлежали на стропилахъ, а другіе пониже на бревнахъ; этому возлежанію даже завидовали прочіе. Иногда инспекторъ заходилъ тута и дѣлалъ расправу. Но не смотря на эту грозу, ретирадное мѣсто продолжало служить для учениковъ мѣстомъ убѣжища во время уроковъ. Смотритель Ив. Мих. Покровскій былъ старожилъ ломовскаго училища и управлялъ имъ за 40 лѣтъ. По натурѣ это былъ добрый человѣкъ; любилъ и жалѣлъ мальчиковъ; но для пользы ихъ дѣлалъ очень мало. Какъ смотритель, онъ имѣлъ много недостатковъ. За порядкомъ по училищу наблюдалъ плохо; учителя вели свое преподаваніе, какъ кому Богъ на разумъ положилъ. Частенько, пользуясь отсутствіемъ его, они проводили время въ корридорѣ. Самъ Покровскій преподавалъ латинскій языкъ, и преподавалъ дурно; кромѣ перевода Корнелія Непота на русскій языкъ, никакихъ упраж-

ненiй не было. На Корнелія мы имѣли русскiе переводы, которыми и пользовались въ классѣ; болѣе безтолковые надписывали слова на самомъ лат. Корнеліи. А потому лат. языкъ мы знали дурно и только снисходительность бывшаго ректора семинаріи Евпсихія помогала намъ переходить въ семинарію, безъ знанія латинскаго языка. Въ послѣднее время, около 50 годовъ своей жизни Ив. Мих. любилъ покучивать и опускать, поэтому, уроки. Иногда приходилъ въ классъ выпивши, и мы издали узнавали это, по его походкѣ. Бѣда, въ это время, разсердить его чѣмъ-либо; онъ сѣкъ тогда жестоко.

Лучше всѣхъ учителей былъ инспекторъ Евграфъ Серг. Архиповъ. Онъ тоже инспекторствовалъ при ломов. училищѣ около 40 лѣтъ. Е. С. преподавалъ греческій языкъ, зналъ его хорошо и велъ преподаваніе осмысленнѣе другихъ: объяснялъ знаніе словъ и оборотовъ греческихъ, спрашивалъ спряженія, склоненія въ разбивку, задавалъ переводы съ греческаго на русскій и на оборотъ. Поэтому ломовскіе ученики всегда знали греческій языкъ лучше учениковъ другихъ училищъ. Ев. Серг. тоже любилъ сѣчь и сѣкъ по многу; но экзекуторы у него, большею частію, фальшили: сѣкли не виновнаго, а рубашку, которую держали въ рукахъ; Архиповъ только кричалъ: „хорошенько его барнозолоха, хорошенько"!.. Дастъ, бывало, виновному розогъ 50—100; но до тѣла мальчика едва коснется одна розга. Зналъ ли онъ такую фальшь,—не могу сказать, только мы не мало этому дивились. Ев. Серг., какъ инспекторъ, ходилъ иногда по квартирамъ, но мы напередъ знали его выходы и приготовлялись. Иногда, впрочемъ, онъ заставалъ насъ за играми въ непозволительное время и наказывалъ. Если находилъ карты, отбиралъ ихъ, приговаривая „годятся Ванюшкѣ" (это былъ его сынъ, который и извѣщалъ

насъ объ его экскурсіяхъ). Евгр. Серг. былъ чрезвычайно скупъ. Онъ лѣтъ 30-ть носилъ одну шинель, одинъ засаленный сюртукъ и такіе же брюки. Дома жилъ чрезвычайно скромно; гостей и знакомыхъ принималъ рѣдко. Ев. С—чъ продавалъ намъ кислое молоко; въ началѣ трети, бывало, самъ скажетъ: „приходите ребята, у Анны Ивановны (супруга Е. С—ча) хорошее молоко". И шли мы къ своему инспектору за молокомъ, кто съ чашкой, кто съ ведромъ. Каждый годъ мы перекладывали ему дрова, которыхъ у него было много; лѣтомъ изъ подъ сарая, а зимой подъ сарай.

Явки къ учителямъ, въ мое время, въ началѣ трети, были закономъ. Кто не являлся, тотъ впадалъ въ немилость. Особенно Ев. С—чъ строго наблюдалъ явки. Живо помню, какъ мы являлись къ нему толпами въ 5—10 человѣкъ, и клали въ руку 10, 15, самое большее 20 коп. сер. Вмѣстѣ съ тѣмъ послѣ Пасхи каждый приносилъ по 10-ти яицъ, а послѣ ваката по арбузу. Ев. С—чъ ничѣмъ не брезговалъ. „А вотъ, ребята, кто-то изъ васъ принесъ мнѣ яйцы протухлыя,—скажетъ бывало въ классѣ;—экой барноволохъ!".

Весною бывали у насъ рекреаціи. Соберемся, бывало, въ маѣ, человѣкъ 10-ть лучшихъ учениковъ и отправляемся къ смотрителю просить рекреаціи. Тотъ встрѣтитъ насъ строго и прогонитъ; но мы этого не боялись, шли въ другой разъ, и чуть замѣчали расположеніе—дать рекреацію, выходили всѣ подъ окна смотрительскаго дома, начинали пѣть: „reverendissime domine"... Смотритель, наконецъ, отворитъ окно и скажетъ: „довольно! въ Архиппову рощу!" И вотъ послѣ обѣда мы отправлялись въ Архиппову рощу.

Тамъ играли въ мячъ, въ козны, въ лапту, а смотритель сидѣлъ съ учителями за чаемъ и водкой. Вечеромъ на

обратномъ пути мы пѣли пѣсни до самаго города; вмѣстѣ съ нами шли и подгулявшіе учителя. Тутъ мы выпрашивали у смотрителя явиться на завтра безъ уроковъ, на что, разумѣется, давалось согласіе. Это было—блаженное желаніе, дальше чего наши юношескія сердца не могли стремиться; по крайней мѣрѣ, хоть день обойдется безъ розогъ. Рекреацій бывало отъ 3 до 6-ти въ весну.

Въ праздничные дни къ богослуженію мы ходили въ соборъ, гдѣ становились на хоры, вмѣстѣ съ смотрителемъ. Молился нашъ Ив. М—чъ очень усердно; онъ былъ человѣкъ религіозный и богомольный; пользуясь его усердіемъ, мы часто уходили изъ храма и проводили время за играми. Многіе отпрашивались вовсе отъ хожденія въ соборъ подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы ходить и пѣть въ приходскихъ церквахъ, по близости; но, на самомъ дѣлѣ, никуда не ходили.

Вообще надсмотра за нами было мало, хотя розга, такъ сказать, постоянно висѣла надъ нашими головами. Вслѣдствіе этого мы дѣлали много шалостей, дѣтскихъ глупостей, отчего ученіе наше сильно страдало.

Священникъ **А. М.**